

УДК 167

DOI:

10.15372/PS20180303

О.И. Целищева

НОРМАТИВНОСТЬ НАУКИ: ПРОГРЕСС И ПАРАДИГМЫ В КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕОПИСАНИЯ Р. РОРТИ

В статье сопоставляются позиции Т. Куна и Р. Рорти относительно понятия прогресса науки и ее норм. Показано, что концепция смены «словаря» как аналога парадигмы требует специфической доктрины «переописания». Продемонстрировано, что несмотря на приверженность Рорти куновской теории структуры научной революции, он вынужден оставаться в значительной степени сторонником традиционной концепции прогресса в науке.

Ключевые слова: норма; релятивизм; переписание; парадигма; несоизмеримость; герменевтика

O.I. Tselishcheva

NORMATIVENESS OF SCIENCE: PROGRESS AND PARADIGMS IN R. RORTY'S CONCEPT OF REDESCRIPTION

The article compares the positions of T. Kuhn and R. Rorty regarding the concept of the progress in science and its norms. It is shown that the concept of changing the «vocabulary» as an analog of the paradigm requires a specific doctrine of «redescription». The author demonstrates that despite Rorty's adherence to Kuhn's theory of the structure of a scientific revolution, he has to remain largely adherent to the traditional concept of the progress in science.

Keywords: norm; relativism; redescription; paradigm; incommensurability; hermeneutics

Вопрос о соотношении естественно-научного знания и гуманитарного знания раскалывает современную философию на два лагеря. С одной стороны, аналитическая философия, отмеченная ярлыком «сайентизма», утверждает примат научного образа мышления; с другой стороны, противостоящие ей философские школы – герменевтика, структурализм, различного рода постмодернистские ответвления континентальной философии – заявляют о несводимо-

сти понимания феномена человека к эмпирическим обобщениям современной науки. В этом противостоянии особое место занимает прагматизм, вбирающий в себя в значительной степени неприятие сайентистской направленности в описании природы человека.

Обоснование отделения научного знания от «гуманитарного» в истории культуры и в том, что называется *Geistesgeschichte*, является практически одной из главных тем философии на протяжении довольно длительного периода начиная с возникновения современной науки. Полемика по этому вопросу несимметрична, поскольку сайентистская философия, а зачастую и сама наука, изображаются своего рода «агрессорами», претендующими на чужую территорию, и их оппоненты приводят аргументы о невозможности понимания человека теориями, претендующими на объективность и истину, свойственные науке. Среди таких аргументов особое место занимает концепция «переописания» прагматиста Р. Рорти.

Для понимания этой концепции следует обратиться к понятию *словаря* у Рорти. Это предельно широкое понятие, тем не менее, имеет строгие аналогии с двумя другими понятиями, которые прочно занимают место в современной философской литературе: *парадигмами* Куна и *эпистемами* Фуко, которые относятся не только к собственно философии, но распространяются и на все аспекты человеческого существования, относящиеся к культуре. Куновское понятие *нормальной науки* [2] означает существование рамок соответствующих научных поисков, точно так же как и эпистемы Фуко очерчивают круг приемлемых практик в человеческом обществе [5]. Выход за пределы этих ограничений у Куна чреват научной революцией, описываемой как смена парадигм, необходимость которой диктуется накоплением аномалий. Рорти предпочитает гораздо более квиетистскую позицию, говоря об интеллектуальной, культурной и личностной стагнации в пределах одного словаря. Эта же умеренность проявляется у Рорти в том, что он предпочитает говорить не о революциях, а о *смене словаря*. Механизм такой смены тесно связан с концепцией переописания индивидом самого себя.

Переописание по сути своей есть приспособление индивида к такой ситуации, когда он убежден, что его словарь не отвечает пониманию им природы и общества, но не в большей степени, чем это делают другие словари. Для характеристики состояния подобного скепсиса Рорти прибегает к постмодернистской терминологии из литературной теории, а именно к термину «иронизм» [3]. Иронич-

ный мыслитель модифицирует свой словарь таким образом, чтобы найти определенного рода равновесие в эпистемической ситуации. Он «переописывает» себя в ситуации познавательного субъекта, не обращаясь к таким категориям, как объективность, истина, сущность. Как только иронист находит, что его словарь неадекватен, он прибегает к переописанию, не слишком заботясь о каком-то соответствии с природой и обществом. Ясно, что здесь Рорти балансирует на грани допустимого, потому что фантазии о собственном переописании могут быть основой совершенствования личности, но не могут столь же легко относиться к «объективному» знанию естественных наук. Единственным оправдывающим обстоятельством для употребления этого термина в контексте естественных наук служит появление все большего числа научных теорий, экспериментальная проверка которых принципиально невозможна. Именно такая наука называется *иронической* [6].

Баланс, собственно говоря, состоит в том, что Рорти апеллирует к Куну, в чьей системе подобного рода объективность подвергается серьезной опасности. Дело в том, что трудно представить, как переписание в процессе смены словаря, характеризующего научную теорию, может дать другую удовлетворительную научную теорию. Сам по себе научный прогресс основан на все большем понимании объективных феноменов, которое выходит за пределы возможностей переописания в уже готовом наборе словарей. Другими словами, закрадывается подозрение, что концепция переописания Рорти подразумевает различие наук о человеке и наук о природе, хотя это и не входит в намерения ее автора. Для своего оправдания Рорти должен был бы привести в качестве примеров смены словарей глобальные переходы, скажем, от ньютоновской механики к квантовой механике.

Процессы возникновения нового знания являются предметом многих исследований, от логики и методологии науки до психологии, но Рорти настаивает на том, что главную роль надо отвести тому, что называется языковыми играми. Фактически переписание означает некоторого рода комбинаторную игру со словарем, понимаемым самым широким образом. Важно то, что ресурсы этого словаря уже существуют, так что переписание возможно на любом этапе. Однако в естественных науках возникновение новых смыслов и новых концепций сопряжено с гораздо более сложными процессами, в существенной степени определяемыми «внешними» фено-

менами, т.е. новыми экспериментальными данными, неизвестными до определенного времени. В свете этого обстоятельства трудно понять, как из словаря ньютоновской механики можно получить словарь квантовой механики. Конечно, важным моментом является то, что в обеих теориях используются одни и те же термины: «масса», «скорость», «гамильтониан» и проч. При обсуждении перехода к новой теории возникает вопрос, в какой степени сохраняется либо изменяется смысл или значение научного термина, употребляемого в обеих теориях. Другой вопрос состоит в том, как объяснить появление в новой теории терминов, не имеющих двойников или аналогов в старой, скажем термина «спин». Но даже для таких новых объектов изобретаются схемы объяснения, которые так или иначе связывают их со старыми объектами либо путем аналогий, либо через определенные экспериментальные процедуры.

Кун настаивает на том, что парадигмы, а следовательно, и словари Рорти должны быть несоизмеримы. Для того чтобы понять, как Рорти видит концепцию несоизмеримости Куна, нужно учесть, что сам Кун не соглашался с Рорти, как и с большинством своих комментаторов. Хотя оба они считались релятивистами, «плывущими в одной лодке», концепция Куна все-таки относилась к истории физики. Любопытно, что во время своего пребывания в Принстонском институте высших исследований Кун руководил семинаром, среди участников которого был Рорти, тогда преподававший в Принстонском университете. Но за два этих года они встречались только три раза [7]! Суть их разногласий состояла в том, что, по мнению Рорти, Кун трактовал научность скорее социологически, чем эпистемологически. Нормальная наука ассоциируется с дисциплинарной матрицей, построенной с учетом парадигмальных достижений. В рамках такой матрицы есть общее согласие у исследователей относительно того, кто делает перспективную работу, кто заслуживает больших наград и т.д. Ясно, что эти вещи имеют скорее социологический характер. Причина такого акцента Рорти заключается в том, что он примеривал концепцию Куна к философии, что и сделал окончательно, говоря в терминах дихотомий: «нормальные и аномальные» философы, систематизаторы и революционеры, традиционалисты и маргиналы и т.п. Имея в голове ситуацию в философии со всей ее богатой историей, Рорти игнорировал ту пропасть, которая разделяет физику и философию.

Рорти приписывает Куну взгляд, согласно которому в ситуации революционной науки часто неясно, «является ли бравый инноватор гением или фриком, и когда существует несколько дисциплинарных матриц, тогда то, чем вы закончите, зависит от университета или ментора, которого вы получите... Когда новые достижения начинают выглядеть так, как будто они требуют переосмысления старых парадигм (когда сталкиваются парадигмы), Старая гвардия и Младотурки больше не соглашаются по поводу того, что является перспективной работой, или даже по поводу того, что составляет научную ясность и строгость. С этого времени устанавливается новая, никем не оспариваемая постреволюционная дисциплинарная матрица, как это было в случае, когда вымерли все аристотелианцы и на их место пришли сторонники Галилея или когда доктора, работающие в стиле Галена, продали свой бизнес сторонникам Гарвея. А до этого у вас не будет консенсуса по поводу того, что такое наука и что такое ненаука, какая терминология является ясной и какие аргументы являются строгими. Не будет у вас консенсуса и по поводу, является ли нечто проверенным результатом или же просто устаревшей чепухой» [9, p. 1].

Итак, является ли вопрос о переходе от одних теорий к другим техническим, как в физике, где мы имеем дело с гамильтонианами и в классической механике, и в квантовой теории? Или же это вопрос о социологических обстоятельствах, сопровождающих такие переходы? Ясно, что при подобного рода переходах требуется допущение о соизмеримости теорий. Другими словами, нужна процедура сопоставления старых и новых понятий, процедура, которая бы давала представление о механизме перехода от старой теории к новой. Но этот переход, по Куну, описывается как смена парадигм, которые опять же, с его точки зрения, несоизмеримы. Вообще-то, Кун должен был бы аргументировать эту несоизмеримость научными соображениями. Но оказывается, что источником представлений Куна о несоизмеримости было чисто психологическое событие, произошедшее, когда он размышлял об аристотелевской физике. Это было гештальт-переключение, хорошо известное по иллюзиям двойственного видения изображений, например молодой женщины – старухи и проч. Кун интерпретировал изменение в видении одного и того же изображения как переключение, свидетельствующее о радикально разных концептуальных подходах в процессе видения, подходах, которые были несоизмеримы. Больше того, Кун настаивает

вал на том, что человек при этом видит различные объекты, а не одно и то же изображение [11, p. 156].

Этот психологический, можно сказать, фокус Кун положил в основу своего видения развития физики. Впрочем, этот «фокус» был также использован Витгенштейном: [в такой иллюстрации] «мы можем видеть один раз одно, а другой раз другое. То есть мы ее (иллюстрацию – *О.Ц.*) интерпретируем и видим так, как интерпретируем... фигуру. В своих заметках я назвал ее 3-У-головой. В ней можно увидеть и голову зайца, и голову утки. При этом нужно разграничивать “устойчивое видение” того или иного аспекта и как бы “вспышку” аспекта» [1, с. 258].

Именно эту «вспышку», похоже, имел в виду Кун. Сопоставление различных теорий Кун уподобляет видению «различных миров». Но это значит, что у ученых нет аргументов в пользу преимуществ той или иной теории, поскольку они принадлежат к различным мирам. Рорти так оценил этот ход мысли Куна: «Утверждение Куна, что (алгоритм выбора между теориями – *О.Ц.*) невозможен, за исключением лишь *post factum* и виговского типа... было, однако, затемнено собственным “идеалистически” звучащим добавлением Куна. Одно дело говорить, что “нейтральный язык наблюдения”, в котором сторонники различных теорий могут предлагать свои свидетельства, не представляет особой пользы в плане выбора между теориями, и совсем другое дело говорить, что не может быть такого языка, потому что сторонники различных теорий “видят различные вещи” или “живут в разных мирах”. Кун, к сожалению, сделал несущественные замечания последнего рода, и философы придрались к ним» [4, с. 239–240].

На самом деле придраться было к чему. По Куну, выбор между теориями невозможен исходя из критерия нормальной науки, поскольку соображения о выборе лежат за пределами нормальной науки, и требует обращения к внешним критериям. Но из этого следует, что «принятие парадигмы означает принятие не только теории и методов, но и управляющих критериями стандартов, которые служат для оправдания при ее сравнении с конкурентами. Различия в парадигмах, следовательно, неизбежно направлены вовне... Каждая парадигма неизбежно имеет характер самооправдания, и дебаты вокруг парадигмы должны быть лишены объективности: мы опять отброшены к разговорам нерационального толка в качестве оконча-

тельной характеристики смены парадигм в рамках научного сообщества» [10, р. 84].

Но и сам Рорти не был в стороне от упреков в адрес куновского понимания несоизмеримости парадигм. Один из важнейших моментов его критики Куна касался отрицания Куном виговского характера науки и принятия его в неявном виде Рорти. В данном контексте термин «виговский» означает взгляд, согласно которому история следует по пути неизбежного прогресса и улучшения, а суждения о прошлом делаются исходя из настоящего.

При обсуждении взглядов Рорти на концепцию несоизмеримости Куна мы сталкиваемся с определенным родом противоречиями. Признавая за наукой увеличение ее возможностей в плане предсказаний (главная, с точки зрения Рорти, характеристика науки), Рорти оказывается невольным сторонником идеи о виговском характере научной истории. Критикуя Куна за оттенки идеализма, проявившегося среди прочего в том, что это является эпистемологическим проектом, Рорти принимает концепцию соизмеримости виговского характера. С этой точки зрения Рорти резко отходит от куновского понимания истории науки. Соизмеримость, по Рорти, есть результат виговского характера понимания истории, которая пишется победителями. Это представление Рорти происходит из его вовлеченность в дискурс герменевтических соображений. Как известно, отрицаемой Рорти эпистемологии он противопоставляет герменевтику. Противоречие между ними проявляется в отношении концепций соизмеримости и несоизмеримости. В основе эпистемологии лежит представление, что все вклады в некоторый дискурс соизмеримы, а герменевтика отрицает эту соизмеримость. Но что при этом понимается под соизмеримостью? «Под “соизмеримостью”, – пишет Рорти, – я понимаю возможность подпадания под одно и то же множество правил, которые говорят нам, как может быть достигнуто рациональное согласие там, где, судя по всему, утверждения входят в конфликт» [4, с. 233–234].

Однако, что, собственно, делает герменевтика, как не ищет согласия? Можно возразить, что это согласие не является рациональным, что герменевтические процедуры подразумевают совсем другие способы достижения такого согласия, нежели те, которыми располагает рациональное мышление. Но вряд ли тут возможна полная демаркация, потому что если бы герменевтика была полностью «посторонней» рациональному дискурсу, тогда все герменев-

тические усилия сводились бы к нулю. Рорти и сам отчасти признает условность разделения этих методов, оправдываясь отсутствием у герменевтики четкой структуры дискурса: «Мое использование терминов эпистемология и герменевтика как идеально противоположных друг другу может показаться надсадным... Представление об интерпретации предполагает, что приобретение понимания больше похоже на постепенное знакомство с человеком, чем на доказательство» [4, с. 237].

Как бы то ни было, Рорти решительно принимает позицию Куна в отношении разделения науки на нормальную и революционную. Нормальная наука ассоциируется с эпистемологией и ее рациональностью. Порывая с рациональностью, аномальный дискурс, участвующий в революционном процессе смены парадигм, не подчиняется никаким канонам и нормам, в нем присутствует все что угодно – «от полной бессмыслицы до интеллектуальной революции». По этой причине описание того, что происходит в аномальном дискурсе, попросту невозможно. Но поскольку в любом случае рано или поздно аномальный дискурс сменяется нормальным, несмотря на любые гештальт-переключения и скачки в осмыслении, требуется контакт между двумя видами дискурса. И как раз здесь на помощь, по мысли Рорти, приходит герменевтика. «Герменевтика есть исследование аномального дискурса, с точки зрения некоторого нормального дискурса – попытка придать некоторый смысл тому, что происходит на стадии, где все еще не уверены в нем в достаточной степени, чтобы описывать его и тем самым начать эпистемологическое объяснение. Сам факт того, что герменевтика неизбежно принимает некоторую форму для такой роли, делает ее в некоторой степени “виговской”» [4, с. 237].

Итак, с одной стороны, герменевтика противоположна эпистемологии и, стало быть, связана с пониманием истории науки как последовательности несоизмеримых теорий и концепций. С другой стороны, герменевтика вынуждена выступать в роли объяснения аномального дискурса, что подразумевает виговский характер этой процедуры. Действительно, объяснение есть по сути интеллектуальная процедура, исходящая из принятых норм и правил, свойственных последующему этапу развития науки. Было бы странным, если бы аномальный дискурс объяснялся исходя из старых правил и норм. Так что виговский характер герменевтики налицо, и сам Рорти не в силах отрицать этого, несмотря на свои первоначальные

установки на противопоставление эпистемологии и герменевтики. Признавая свою непоследовательность, Рорти делает не совсем понятный ход, утверждая, что герменевтика каким-то таинственным образом избавляется от своего виговского характера: «Но поскольку этот нередуктивный процесс (герменевтическое объяснение – О.Ц.) и есть надежда на получение нового угла зрения на вещи, герменевтика может преодолеть свою собственную “виговость”» [4, с. 237].

Однако герменевтика может также служить для объяснения предшествующих теорий только благодаря своему виговскому характеру, так что преодоление его – дело проблематичное. Действительно, такое объяснение предполагает, что мы подгоняем прошлые эпизоды истории науки под наше нынешнее понимание следующим образом: мы не считаем прошлые теории и концепции науки ошибочными, и в этом проявляется несоизмеримость парадигм, но мы можем считать, что в прошлом выигрывали те теории, которые мы, с нашей нынешней точки зрения, посчитали бы «правильными». Мы производим селекцию прошлых эпизодов, намекая на скрытый или явный прогресс в нужном нам направлении. Таким образом, трудно представить, каким образом герменевтика преодолевает свой виговский характер. Скорее, герменевтика в той же степени поражена «виговостью», что и эпистемология. Но в этом случае она ничем не лучше в анализе аномальной науки, чем эпистемология.

Для устранения этого противоречия М. Ниро предлагает говорить о двух формах виговости: сильной и слабой. Слабая форма относится к ситуации, которую Рорти описывает как вымышленный разговор между различными поколениями участников исторического процесса развития науки. Это переход от норм, которые считаются само собой разумеющимися и в то же время являются открытыми для обсуждения и проверки в диалоге. Сильная форма заключается в ретроспективном объяснении исторических эпизодов в науке, не подвергаемых проверке с точки зрения их нормативности. Этот вид виговости объяснений прошлого практически не допускает диалога, основываясь на превосходстве более поздних взглядов [8].

Ясно также, что виговский характер прогресса в естественных науках является не просто наследием докуновских представлений об истории физики. Этот прогресс освящается не менее солидными концепциями вроде методологического принципа соответствия и теоретическими схемами, позволяющими трактовать старые теории как предельный случай новых и т.д. Все-таки придется признать

правоту Рорти в том отношении, что над Куном довлела социологическая картина науки и нормы, которые он имел в виду под названием «парадигм», больше присущи наукам гуманитарным. Быть может, заслуга Рорти состоит в том, что сам того не желая, он в своем переносе аргументации Куна на философию показал именно философский характер смены парадигм, в значительной степени лишив эту аргументацию правдоподобности с точки зрения представителей естественных наук.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – М: Гнозис, 1994.
2. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: АСТ, 2003.
3. *Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность. – М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
4. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 1997.
5. *Фуко М.* Слова и вещи. – М.: Прогресс, 1977.
6. *Хорган Дж.* Конец науки. – СПб.: Амфора, 2001.
7. *Gross N.* Richard Rorty: The Making of an American Philosopher. – Chicago: The University of Chicago Press, 2008.
8. *Nyíri M.* Rorty, Dewey, and Incommensurability // www.nordprag.org/papers/epc1/Nyiro.pdf
9. *Rorty R.* Knowledge and acquaintance: On Bertrand Russell // *The New Republic*. – 1996. – Dec. 1.
10. *Scheffler I.* Science and Subjectivity. – Indianapolis: The Bobbs-Merrill Company, 1967.
11. *Tartaglia J.* Rorty and the Mirror of Nature. – London; New York: Routledge, 2007.

References

1. *Wittgenstein, L.* (1994). *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical investigations]. In: *Wittgenstein, L. Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Moscow, Gnosis Publ. (In Russ.).
2. *Kuhn, T.* (2003). *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, AST Publ. (In Russ.).
3. *Rorty, R.* (1996). *Sluchaynost, ironiya i solidarnost* [Contingency, Irony and Solidarity]. Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo [Russian Phenomenological Society] Publ. (In Russ.).
4. *Rorty, R.* (1997). *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ. (In Russ.).
5. *Foucault, M.* (1977). *Slova i veshchi* [Words and Things]. Moscow, Progress Publ. (In Russ.).

6. *Horgan, J.* (2001). *Konets nauki [The End of Science]*. St. Petersburg, Amfora Publ. (In Russ.).

7. *Gross, N.* (2008). *Richard Rorty: The Making of an American Philosopher*. Chicago, The University of Chicago Press.

8. *Nyiro, M.* Rorty, Dewey, and Incommensurability. Available at: // www.nordprag.org/papers/epc1/Nyiro.pdf

9. *Rorty, R.* (1996). Knowledge and acquaintance: On Bertrand Russell. *The New Republic*, Dec. 1.

10. *Scheffler, I.* (1967). *Science and Subjectivity*. Indianapolis, The Bobbs-Merrill Company.

11. *Tartaglia, J.* (2007). *Rorty and the Mirror of Nature*. London & New York, Routledge.

Информация об авторе

Целищева Оксана Ивановна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: Pomoshnik_-_@mail.ru).

Information about author

Tselishcheva Oksana Ivanovna – Candidate of Sciences (Philosophy), the junior scientific worker of the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090 Russia, e-mail: Pomoshnik_-_@mail.ru)

Дата поступления 20.04.2018